

Этой весной я оказалась в Вене благодаря своему мужу, вернее, его компьютерной конференции. У конференции было длинное, похожее на многослойный торт название, которое, едва услышав, я тотчас забыла. Хотя зачем мне его помнить, достаточно того, что я в Вене. Муж исчезал сразу после гостиничного завтрака. Забавно было наблюдать, как его коллеги соревнуются по отношению ко мне, единственной за столом даме, в галантности. Тем более что уже за кофе они совершенно обо мне забывали. О чём они спорили на своём птичьем языке, эти немолодые мужчины с блестящими по-детски глазами? Потом муж рассеянно чмокал меня в щёку, и они торопливо уходили в свой компьютерный рай. Мне оставался земной хаос из скомканных салфеток, тарелок с остатками еды и пустых чашек, трогательно хранивших тепло недавних прикосновений. Впрочем, был ещё прекрасный город за окном, и совсем скоро я пойду к нему на встречу, вот только губы подкрашу.

В каждом городе есть свой главный памятник, возле него назначаются свидания, кучкуются любознательные туристы. У нас в Кишинёве это отлитый из бронзы суровый молдавский господарь Стефан Великий, а здесь, в Вене, тоже бронзовая, императрица Мария-Терезия. Или, как её ласково называют, мама всех австрийцев. Мои прогулки по городу всегда начинались с неё, словно вытянутая вперёд рука императрицы с приветливо раскрытой ладонью служила своеобразным благословением. Только потом были широко раскинутые полотна площадей, каменная роскошь дворцов, насупленные брови арок. Проходя под арочными сводами, я представляла, как, вынырнув из очередной арки, попадаю в эпоху всё той же Марии-Терезии. Или натыкаюсь на печальную принцессу Сиси. Я действительно наткнулась, не на принцессу, конечно, — на Сашу.

Он сидел на мраморной скамье возле одного из дворцов и своей неподвижностью напоминал искусно вылепленную скульптуру. Застывший взгляд, скорбные складки возле губ. Так мог бы выглядеть

падший ангел. Но всё это я осознала позже. А в первый момент...чего я испугалась, почему отступила назад, в спасительную темноту арки? Там я и стояла, прижавшись пылающей щекой к прохладному камню, слушая стук собственного сердца. Будто бы время в обратном порядке отсчитывало минуты, часы, годы, стремясь добраться до нашего с Сашей прошлого.

Тогда, много лет назад, я училась в Кишинёвском институте культуры на факультете хореографии. Я жила с мамой, что, конечно, облегчало мою студенческую жизнь, но сорок рублей стипендии всё равно быстро заканчивались. Выручали гастроли. На первом курсе меня позвали в коллектив народного танца при институте, и вскоре я успешно представляла молдавское хореографическое искусство в одной из стран соцлагеря. Платили немного, но если экономить на еде (кипятильник, супы из пакетиков), да ещё привезти из поездки что-нибудь на продажу (косметику, шмотки), выходили вполне приличные деньги. Но на этот раз с гастролями я пролетела. Какое-то время назад у меня случилась травма ноги. «Никаких нагрузок, иначе профнепригодность!» — строго предупредил врач. Сокурсница Светка — её взяли на моё место, — сочувственно поцокав языком, в свою очередь, предложила замену: вести вместо неё ритмику в школе.

«Всего два-три часа в день, младшие классы...И зарплата нормальная, побольше нашей стипендии», — скороговоркой перечисляла Светка преимущества собственного предложения. Я понимала, что с её стороны это не столько желание помочь ближнему, мне то есть, сколько обычный расчёт: гастроли закончатся, а постоянную работу найти сложно. Я же не только выступлю в роли замены, но и сохраню за Светкой место. Но какое мне дело до чужих расчётов, я согласилась. Тем более что в институте у меня было свободное посещение, значит, проблем с учёбой не возникнет. И в конце сентября,

договорившись обо всём со школьным начальством, довольная Светка укатила в Чехословакию, а я отправилась на новое место работы.

В Кишинёве стояла золотая осень. Солнечные лучи как рентгеном просвечивали деревья, ещё не облетевшая листва горела золотом и пурпуром. Идти бы вниз по улице, напрямик до Рышкановского парка, бродить по аллеям, жадно вдыхая густой, насыщенный осенними запахами воздух. Потом спуститься ещё ниже, туда, где в опушке ветвей-ресниц безотрывно глядел в небо гигантский озёрный глаз. Но я свернула направо, к школе. При виде серого приземистого здания школы, будто с трудом втиснутого в узкий проход между стандартными многоэтажками, я подумала о Светке и вздохнула. Ещё какие-то два старшекласника (алые повязки с надписью «Дежурный» на лоснящихся рукавах пиджаков должны были убедить меня в том, что они имеют на это право) настойчиво допытывались, с какой целью я иду в учебное заведение.

«Надо было сказать, что собираюсь взорвать их школу», — злилась я, осторожно спускаясь по скользким, раскатанным многочисленными детскими ногами ступеням. Лестница вела в подвал. Там, за обитой железом дверью, и проходили уроки ритмики.

Ритмику в школьную программу ввели недавно, и ни у кого, включая министра образования, не было чёткого представления о том, как это должно быть. Танцы не танцы, спорт не спорт. И только родители каждый месяц исправно платили за своих чад — предмет был на самокупаемости. В небольшом зале (низкие потолки, обшарпанный линолеум) пахло сыростью. Зато были балетный станок, пианино и высокие, в человеческий рост, зеркала. Как в настоящем балетном классе. С утра здесь проходили уроки ритмики, а после обеда занятия танцевального кружка и секции гимнастики. Кстати говоря, ни одной гимнастки за время своей работы я так и не видела, лишь спортивные маты в углу, каждый раз сложенные по-разному, да их помятый вид красноречиво свидетельствовали о том, что занятия ведутся.

Все эти подробности мне сообщила Светка. Рассказала и про учеников, поимённо перечислив главных шалопаев в каждом классе. В результате так меня

напугала, что перед моим первым уроком я не могла унять нервной дрожи. Забегая вперёд, надо сказать: если кого мне и следовало опасаться, то меньше всего детей. Первоклашки вообще были чуть ли не ангелами. Глядя в их распахнутые весенними окнами глаза, я испытывала чувство неловкости. Ни статус учительницы, ни моя взрослость (по сравнению с ними, конечно) не заслуживали такого полного, безграничного доверия. Что не мешало мне покрикивать на них по Светкиному примеру. В принципе, от меня требовалось лишь одно: сохранить отлаженный Светкой «механизм» до её возвращения. Поэтому сначала поклон или, как говорят танцоры, реверанс. Концертмейстер задерживается, будем пока под счёт. Первые мальчишки... Раз-и-два, раз-и-два... Хорошо, молодцы! Теперь девочки... Раз-и-два... Вот умнички! Начинаем урок.

Движения были проще некуда, но дети, по-щенячьи неуклюжие, так путались в собственных руках и ногах, что голос мой начинал предательски дрожать — я еле сдерживала смех. Концертмейстер Элла, играя незатейливые мелодии, молча, одним лишь взглядом пыталась привести меня в чувство. «Не расслабляйся, иначе сядут на голову», — казалось, говорил весь её облик, начиная от подведённых чёрным, как у актрис немого кино, глаз и заканчивая мощным бюстом, наподобие горного хребта вздымающимся над фортепианными клавишами. Я делала серьёзное лицо, но смех то и дело накатывал волнами. Школьный звонок, сообщавший о начале перемены, был облегчением для всех. Тогда я строила детей в пары. Наш зал находился в корпусе старшекласников, и на занятия детей приводила учительница, а обратно, в корпус начальных классов, вела я. Теми же скользкими ступенями мы поднимались вверх, шли мимо главного входа, столика с дежурными (вопросов мне больше никто не задавал) и дальше, по узкому коридору. Заминка возникала возле кабинета математики, откуда, гогоча и бурно жестикулируя, группами вываливались старшекласники. Я ужасно боялась, что они затопчут моих малышек. А те, задрав головы, смотрели, как замороженные. Вероятно, так смотрели на своих неоднозначных богов древние греки.

Напоследок был стеклянный переход между корпусами. В переходе, заполненном светом до такой степени, что он вылился бы наружу, будь у него такая возможность, дети

начинали светиться. Наверно, я тоже, просто себя я не видела. Это свечение, немного поблекшее, сохранялось до самой двери класса. Там я сдавала детей на руки учительнице, сама же пускалась в обратный путь.

В переходе мы и встретились с Сашей. Он, правда, сказал, что встретились мы раньше, но от той первой встречи память сохранила лишь повязку с надписью «Дежурный» и моё тогдашнее раздражение. И сейчас, пока Саша, слегка рисуясь, декламировал наизусть отрывок из романа «Мастер и Маргарита», я разглядывала слишком длинные для мужчины ресницы (хотя какой он мужчина — подросток!), покрытые нежным пушком, ещё не знавшие бритвы щёки, мешковатую фигуру... Но почему именно «Мастер», хотел произвести впечатление? Позже в ответ на мой вопрос Саша лишь пожал плечами. «Не о математике же с тобой было разговаривать». Это да, о математике со мной говорить бесполезно. Хотя роман я тоже не читала. «Не читали? — тогда, в самом начале, мы были на «вы», — ну как же... Я обязательно принесу!»

«Я внизу, в подвале веду ритми...»
«Знаю, — перебил он. — Завтра принесу».

Он действительно принёс, после чего стал заходить регулярно — поболтать. К тому времени моя школьная жизнь устаканилась. Все, с кем я, так или иначе, соприкасалась, поделились на своих и чужих, друзей и врагов. Своими, по понятным причинам, были молоденькие учительницы и Элла. Во врагах числились, во-первых, учительницы в возрасте. Не то чтобы у нас были конфликты, просто при виде меня весь их многолетний педагогический опыт вставал на дыбы. Дальше шли тётки из учебной части. Претензии этих вторых были вполне прозаического свойства: им не нравилась моя одежда, для школы надо бы скромнее (и страшнее, как язвительно добавляла Элла). И, конечно, завуч — квадратная мадам с допотопной причёской (халой?) на голове по прозвищу Кобра. Никак не могла понять, почему её так прозвали. Ничего общего с опасной грациозностью змеи у неё не было. Кроме того, та убивает бесстрастно, нашей же нравилось, чтобы долго и с муками. Очень по-человечески. Но все они, что друзья, что враги, были женщинами. В этом смысле, Саша стал приятным исключением.

Говорили о фильмах, любимых книгах. Роман я прочитала, и теперь мы оба

наперебой сыпали цитатами, чем доводили бедную Эллу до белого каления. Зато когда Саша с увлечением травил разные школьные байки, тут уж мы втроём покатывались от хохота. Как-то раз принёс нам пирожки, и тошнотворный запах школьной столовки — вирус, подцепленный одеждой, — после его ухода ещё долго витал в воздухе. «Скажи своему жениху, пусть столовское больше не приносит», — ворчала Элла, уплетая один пирожок за другим. При слове «жених» я только фыркнула. Трёхлетняя разница в возрасте казалась чем-то вроде Берлинской стены, такой же непреодолимой. Тогда и предположить никто не мог, что её падение уже не за горами.

Однажды Саша увязался за мной в институт. Старенький троллейбус, дребезжа натруженным телом, вёз нас по Московскому проспекту, мимо ресторана «Пловдив» с одной стороны и Дворца профсоюзов с другой. В дневном ресторане — оживёт лишь к вечеру — было что-то от хищного зверя, притаившегося в ожидании добычи. А светлые, сборчатые шторы в окнах Дворца напоминали паруса. Казалось, один порыв ветра: из каждого окна выплывет по кораблю. Но ветер не мог пробиться через стеклянную преграду, и корабли скучали в вынужденном порту. Потом были музыкальная школа имени композитора Коки, славная юными дарованиями, но никак не внешним видом, спуск по улице Крутой, здание Цирка с гигантскими клоунами на фасаде (раскиданные руки-ноги, жабо, застывший хохот) и мост, под которым пролегли железнодорожные пути. Проезжая по мосту, троллейбус завибрировал от проходящего внизу поезда. «Надо загадать желание!» — вспомнив примету, вскричала я и схватила Сашу за руку. Я совсем не стеснялась его, воспринимая почти как одного из своих учеников. Но он так странно посмотрел, пальцы мои разжались. Проспекты Молодёжи, Космонавтов и часть улицы Гоголя мы ехали молча, заговорили только на перекрёстке с улицей Ленина. Два памятника, Стефан Великий на углу и Ленин через дорогу, на площади Победы, со свойственной статуям невозмутимостью смотрели куда-то вдаль — в будущее? Молдавский господарь и советский вождь, видели ли они толпы обезумевших от злобы людей, слышали скандируемые лозунги, смысл которых сводился к тому, что русским

здесь не место? Как и русским названиям, и вообще русскому языку. А беззащитный в своём каменном величии Ленин, предчувствовал ли скорую ссылку на задворки одного из кишинёвских парков? Хотя к ссылкам ему и при жизни было не привыкать, а эта вообще станет немыслимой удачей, многим его собратьям повезёт гораздо меньше. Но мы с Сашей ни о чём таком не догадываемся, просто едем в институт.

В институте Саша валял дурака, рассказывая всем и каждому, что я его учительница. Надо было видеть лица моих сокурсников — я-то про малышей говорила! Я так много смеялась в тот день, даже челюсть заболела. «Значит, скоро будут слёзы», — в шутку сказал Саша. Как накаркал.

Всё началось с Эллы. Непривычно растрёпанная, она примчалась в начале первого урока, сообщила, что дома прорвало трубу, и умчалась. То ли в ЖЭК, то ли ещё куда. В результате все три урока я вела сама. От бесконечных повторений «раз-и-два» я осипла, и дети, почувствовав слабинку, вели себя безобразно. А потом случилась история с Мельниковым. Тут надо пояснить. Светка, рассказывая об учениках и дойдя до этого второклассника с фарфоровым личиком и васильковыми глазами, выразилась коротко и ясно: псих! Учительница второго «В» была более многословна. Добрая душа, она пыталась найти оправдание этой нереальной злобе. И ведь такая интеллигентная семья, дедушка, который не пропускает ни одного родительского собрания. Но напоследок прозвучало странное: «Будь с ним осторожна, он иногда бросается». Ну, это даже для Мельникова чересчур, засомневалась я. И ошиблась, он таки бросился на меня. Я даже не поняла, как всё случилось. Очередная злобная выходка с его стороны, мои безуспешные попытки что-то сказать. И метнувшаяся ко мне тень. Я только и успела, что выставить вперёд руку. Боль была такой сильной, что из глаз, что называется, посыпались искры. В школьном медпункте в каком-то отупении я смотрела на распухший палец с повисшим, как на ниточке, ногтем и неровной багровой линией на месте облома. «Перелома нет, просто сильный ушиб. А ноготь отрастёт», — уверенно сказала медсестра. От бодрого оптимизма её голоса, типичного для медработников и всегда, кстати, раздражавшего, меня и отпустило.

«Ноготь отрастёт», — повторила я слова медсестры уже в зале, тыча пальцем чуть ли не Саше в лицо. Перевязанный белоснежным бинтом палец смотрелся нарядно. Только ноготь был рыже-жёлтым. Медсестра смазала его йодом, но забинтовывать не стала: пусть дышит, быстрее заживёт. И тут, не знаю почему, я заплакала. Саша осторожно взял мою руку, поцеловал вначале — пахнувший медикаментами палец, а потом мои солёные от слёз губы.

История с Мельниковым рассосалась на удивление быстро. Кобра с компанией подняли было вой, что дело вовсе не в ребёнке, просто я не могу установить в классе нормальную рабочую атмосферу. Но тут объявился дедушка, тот самый, который на все собрания, долго передо мной извинялся и просил... Кстати, о чём он просил? Или просил Саша? Нет, тот просто смотрел на меня голодными глазами. Не знаю, чего мне хотелось больше: утолить этот голод или поскорее забыть всё, как страшный сон.

С каждый днём листва облетала сильнее, и однажды после особенно дождливой ночи деревья стояли абсолютно голые. Зато земля сплошь была покрыта бурым шелестящим ковром. Вот-вот должна была вернуться Светка, и я уже мысленно прощалась с шелковистыми мордочками детей, внешне претенциозной, а на деле, по-бабьи простой Эллой и, конечно, с Сашей. После истории с Мельниковым он заходил всего пару раз, в оправдание говорил, что загрузили общественной работой. Я делала вид, что верила. Последний раз я видела Сашу в кабинете математики. Мы с детьми шли нашим обычным маршрутом, дверь в кабинет отворилась, и тут я его увидела. Вместе с математиком, смешным маленьким человечком с большой лысиной, Саша стоял возле школьной доски. Доска вся была исписана формулами, но эти двое умудрялись выискивать незаполненные места. Писали, стирали, снова писали. И так яростно рвали друг у друга из рук то мел, то тряпку, будто от этого зависела их жизнь.

А спустя пару месяцев я наткнулась на Сашу возле института. Было неловко, о чём говорить, мы не знали. Он спросил про палец. Я сказала, что всё в порядке, только ноготь стал быстрее расти, приходится стричь чаще остальных. Посмеялись, сразу стало легче. Потом побродили по городу, но

недолго. Прекрасные в снежном безмолвии улицы завораживали, но к долгим прогулкам не располагали. И мы, наглотаившись морозного воздуха, свернули в ближайшее кафе – греться. Платила я, как финансово более обеспеченная. Но при следующей встрече, когда Саша предложил пойти в кино, билеты покупал он. Это был вопрос принципа. Впрочем, мы не высидели и трети сеанса. Саша так измучил мою лежавшую на подлокотнике кресла руку, что бессмысленность нашего там пребывания вскоре стала очевидна. Как мы оказались в его квартире, помню смутно. Как и саму квартиру, обычную хрущёвскую двушку с забитыми книгами шкапами. Зато вспоминается горячий шёпот: «Родителей не будет до вечера», шквал поцелуев и разлетающаяся во все стороны одежда. Возможно, последовательность была другой, но от перемены мест слагаемых...ну и так далее.

...Не знаю, что меня развеселило больше: Сашино неожиданное признание или румянец, заливший при этом его пухлые щёки. Оказалось, пока этот балбес развлекал нас с Эллой болтовнёй, он в это время представлял себе, как опрокидывает меня на школьные маты, и мы с ним занимаемся любовью. Каково?! Так вот откуда был их вечно помятый вид, и гимнастки тут вовсе ни при чём! Мы взахлёб принялись фантазировать, что было бы, если бы за подобным занятием нас застукала Кобра. И тут на меня накатило. Совсем ещё ребёнок, с внезапной грустью подумала я, проводя рукой по гладкой безволосой груди. Что он видел в жизни, свои книги, одноклассниц, которые из-за унылой коричневой формы выглядели все на одно лицо... Три года разницы показались мне пропастью, от которой хотелось отодвинуться как можно дальше. Вслух я, конечно, ничего не сказала, но Саша сразу почувствовал неладное. Недаром как-то после особенно страстных ласк уткнулся мне в плечо и совсем по-детски разрыдался. «Ты скоро меня бросишь», — прозвучало в ответ на мои взволнованные расспросы. Я укачивала его, как ребёнка, и в конце концов, утешила единственным способом, который не требовал слов.

После этого Саша замкнулся. Он вообще стал как-то злее, все эти разговоры о несвободе, о стране, с ног до головы пропитанной ложью. Однажды стал рассказывать, как на уроке военной

подготовки разбирал и собирал автомат Калашникова. В этом не было ничего такого, обычная программа советской школы, но то, как он об этом говорил... Словно пытался что-то доказать (что он уже взрослый?). При этом руки, чья нежность была мне хорошо известна, хладнокровно перебирали воображаемые детали. Мне стало не по себе.

«Надеюсь, ты не собираешься становиться военным? — спросила я. — Математиком лучше, они тихие, мирные люди...»

Хотела пошутить, но Саша даже не улыбнулся.

«Si vis pacem, para bellum. Хочешь мира, готовься к войне».

Мои очередные гастроли оказались вовремя. На прощание мы с Сашей строили какие-то планы — о чём, про что... Годы стирают подробности, так волны стирают следы на песке. Сколько лет прошло, прежде чем он позвонил из Америки, семь, десять? Междугородние звонки, отличавшиеся от обычных городских, разорвали тишину квартиры автоматной очередью. После недавней войны в Приднестровье звуки этой последней в Молдове (советское название «Молдавия» кануло в Лету) знали все. И на протяжении двухчасового разговора, слушая густой бас в трубке, я безуспешно пыталась идентифицировать его с застенчивым трепетом ресниц. Были и другие звонки, из других стран. Наблюдая цикличность их повторений, я пожалела, что ничего не понимаю в математике. Вывела бы формулу. Заканчивались все разговоры одинаково: будто вызубрив раз и навсегда текст для так и не состоявшегося экзамена, Саша говорил, что приедет в Кишинёв, женится на мне и увезёт с собой. Несмотря на наличие к тому времени мужа, я не спорила. Кое-какие слухи о Саше доходили до меня, через ту же Светку, которая всё обо всех знала. О нервном срыве, случившемся ещё в Кишинёве, и лечении в «Костюженах», больнице для психов. Об отъезде в Америку и поступлении, причём с невероятной лёгкостью, в тамошний престижный университет. О женитьбе. (Звонки на время прекратились.) Потом была научная награда, полученная из рук самого президента. И снова срыв. Говорили, что характер Саши изменился, он стал саркастичен, даже груб. Что жена сбежала от него, и теперь он судится за право видеть собственную дочь. И последнее: его работа

напрямую связана с военным ведомством. Если это правда, исписанная формулами школьная доска и автомат Калашникова, наконец, соединились, в гипотетическом смысле, конечно. Наступила гармония — не к этому ли мы все в конечном счёте стремимся.

Холод камня (или моих воспоминаний?) стал невыносим, и я, сделав глубокий вдох, вышла на свет. В арке я простояла недолго, минут пятнадцать, не больше, но за это время скамья опустела. Может, никого и не было, мне показалось? Но мрамор ещё хранил тепло человеческого тела. И тут мне отчаянно захотелось увидеть Сашу, поговорить. Он ведь не мог далеко уйти! В том, что это был он, я почему-то не сомневалась.

Быстрым шагом я проходила мощёными улочками. Мимо изысканными декорациями проплывали дворцы, статуи, фешенебельные магазины, кондитерские, кафе. Другой раз я отнеслась бы ко всему этому с большим вниманием, но не сейчас. Иногда путь мне преграждали запряжённые лошадьми коляски (туристический бизнес процветал). Лошади фыркали, перебирали тонкими ногами. Рассеянно глянув на серую в яблоках красавицу, я увидела Сашу. Он стоял чуть вдалеке и смотрел куда-то в сторону. Потом он повернулся спиной и двинулся в противоположном от меня направлении. Я хотела крикнуть, но крик застыл в горле. Приблизиться тоже не было никакой возможности, только ждать, пока проедет коляска. Надо ли говорить, что когда это случилось, его уже не было. Тогда я побежала. Я наталкивалась на людей, вслед мне летели возмущённые разноязыкие возгласы. Бросая на ходу виноватое «экскюз ми», я бежала дальше. Так я оказалась возле Собора святого Стефана. К зданию собора, этому сердцу австрийской столицы, со всех сторон стекались человеческие ручейки. Может, сработал магнетизм имени «Стефан», вернее

связанные с ним воспоминания, и Саша тоже где-то здесь?

Раз за разом я обходила узорчатое здание собора, одна из башен которого, длинная и острая, как игла, казалось, вот-вот проткнёт небо. Но напрасно — Саши не было нигде. Может, он внутри, подумала я, вплывая вместе с людским потоком в гигантское каменное чрево. В соборе, чей чётко прорисованный готический остов напоминал скелет доисторического животного, стояли полумрак и тишина. По сравнению с уличным шумом тишина звучала как музыка, торжественная и спокойная. Такими же торжественными и спокойными были лики святых. Святые смотрели отовсюду, казалось, они готовы ответить на любой вопрос. Ещё бы знать, что спрашивать. От этой мысли я почему-то расстроилась. Даже желание увидеть Сашу, ещё недавно такое страстное, поблекло, как осенний лист. И на смотровую площадку я поднялась вовсе не из-за него, а просто так. Впустив в лифт десять человек, лифтёр, молодой парень с серьёзным лицом, тщательно закрыл дверь. И вот мы взлетаем на громадную, под сто сорок метров, высоту. Там, наверху, я смотрю, смотрю. На чистенькие, будто только умытые облака, на подёрнутый зеленоватой дымкой профиль города, на крошечные фигурки людей... Вдруг почудилось, что всё это движется в едином ритме. Раз-и-два, колыхались кудрявые гривы деревьев. Раз-и-два, спешили по своим делам люди. Раз-и-два, переступали с ноги на ногу грациозные лошади. Я стояла, не в силах отвести взгляд. Но тут наподобие школьного звонка, сообщавшего о конце урока, зазвонил мобильный. Звонил муж. Озабоченным голосом интересовался, чем я занималась в течение дня, поела ли.

— Я освобожусь пораньше, и мы с тобой сходим... Куда бы ты хотела сходить?

— Я люблю тебя, — совсем не по теме сказала я.

И это было правдой.